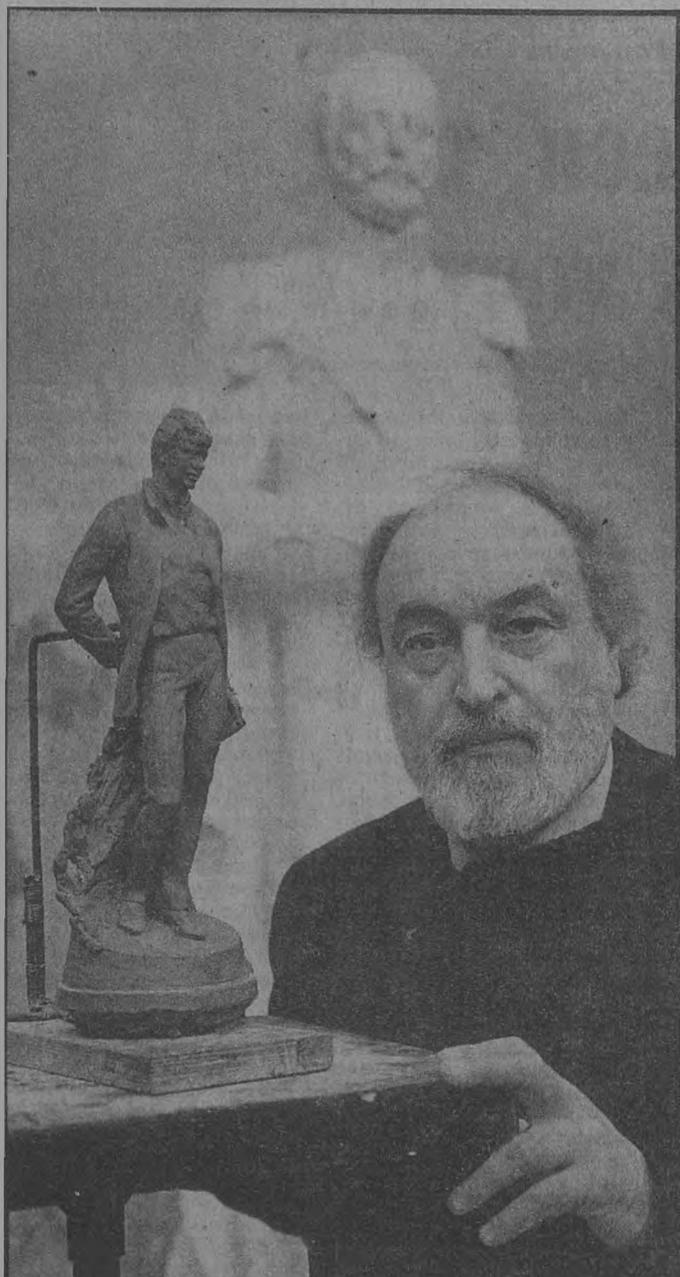

Клубные встречи

Знакомьтесь — народный художник России, профессор, скульптор, руководитель студии художников им. В. Верещагина Анатолий Бичуков. Последняя работа — памятник Есенину к 100-летию со дня рождения поэта. В Кремле уже готовят место для его скульптурных портретов императоров. Скоро появится мемориал, посвященный Дмитрию Донскому.

Анатолий БИЧУКОВ:

Удобную сказку о загубленных талантах придумали бездарности

— Анатолий Андреевич, ваша студия художников имени Василия Васильевича Верещагина официально считается при МВД России. Это каким-то образом обязывает?

— Нет. Студия такая же творческая организация, как, например, Театр Российской Армии. Мы просто "под крышей" МВД России, но занимаемся только своим делом. И пусть вас это не смущает — в императорское время вопросами установки памятников занималось как раз Министерство внутренних дел. Уже в наше время, в 70-м году, когда во главе МВД СССР стоял Николай Щелоков, для поднятия авторитета милиции решали организовать газету, журнал, даже театр собирались создать. Тогда появилась и наша студия, которой я руковожу уже 22 года. Коллектив небольшой — двенадцать профессиональных художников — графики, живописцы, я один скульптор. Три заслуженных художника, лауреаты премии МВД России.

— Вас объединяет еще что-нибудь, кроме искусства?

— Желание сохранить отечественные традиции, не все вывезти за рубеж. И помочь объединению всех художников России. Одно время часто проводились передвижные выставки в городах, сейчас это уже редкость. Мы когда устраиваем выставки, приглашаем участвовать очень многих, начиная от президента Академии художеств Николая Пономарева. А на вернисажах как раз и происходит "связь ведомства с общественностью".

— Взаимно плодотворная?

— Я бы даже сказал благодарная. Они нам чем-то помогают — иначе сейчас не выжить. Невозможно не то что мастерскую получить — каждый уголок зданий захвачен коммерческими структурами; даже краски купить и заплатить за электричество становится проблемой. И вот на базе нашего маленького островка мы создали ряд галерей в Тольятти, Петропавловске-Камчатском, Вологде, бывшем Стаханове, Туве. Если говорить об обратной связи, то в любых других странах 40 процентов бюджета ведомства тратят на рекламу для утверждения своей службы. А мы для МВД практически ничего не стоим — студия в основном на самоокупаемости. Из заработанного художником он получает маленький аванс в виде оклада, а разница у него вычитывается. Зато он имеет мастерскую и все необходимое для работы.

— Такое понятие, на мой взгляд, губительное для творчества, как военная дисциплина, вам знакомо?

— Да нет, в нашей студии ведь не офицеры, а свободные художники — "вольнонаемники". Я как руководитель должен носить погоны, но только ради того, чтобы решать административные проблемы.

— И все же к вам, наверное, поступают спецзаказы?

— Тему мы ищем сами, ездим по горячим точкам. Вот одна из последних моих работ — памятник защитникам правопорядка — солда-

ту, погибшему при исполнении служебных обязанностей.

— В связи с 25-летием студия переименовывается в Академию изобразительных искусств. Какие изменения за этим последуют?

— Это было провозглашено министром Анатолием Куликовым. Мы будем курировать лицей, в академии МВД откроем свою кафедру, занимающуюся нравственно-эстетическим воспитанием с уклоном в изобразительные искусства. Все положения уже разработаны и сейчас ждем утверждения наших планов.

— Вы еще заведуете кафедрой скульптуры и преподаете в Российской Академии живописи, ваяния и зодчества. Есть достойные ученики?

— Это учебное заведение высочайшего уровня. Я объездил много западных академий. Конечно, дай бог, чтобы мы так жили, как в Европе, но что касается преподавания изобразительных искусств, то у нас в студиях на ЗИЛе и то лучше учили. Там утеряны традиции, образование самодетельное, на уровне школы, а называются академиями. Мы же создали центр профессионального совершенствования в духе лучших традиций. Взяли программу императорской академии, изучали архивы. Проходим классовую систему, начиная от античного мира. Познаем законы объема, пространства, пластики, штудировки формы на профессиональном небезразличном уровне, а не на формальном самовыражении. Ведь чтобы

выражаться свободно и независимо, нужно быть прекрасно образованным человеком и владеть языком профессионализма, знать достижения предшественников. Все это требует много терпения и последовательности и отнюдь не противоречит современному искусству. Я ученик Матвея Генриховича Манизера и по мере своих возможностей стараюсь передать своим студентам то, чему он в свое время учил нас. Когда идет учебный процесс, студент должен получить систему знаний. А потом пусть хоть на голове стоит. Для меня не столь важно, кто из него получится — реалист, абстракционист... Для меня важно прежде всего другое — подлинный художник или нет? Ведь в искусстве нельзя врать — это такая ткань, где фальшь сразу видна.

— Проблема занятости выпускников художественной академии существует?

— Все зависит от таланта. Бездарные сразу гибнут — им в искусство лучше и не лезть, особенно сейчас, когда отбор стал очень серьезным. Раньше бездарных прикрывали всевозможные молодежные секции, фонд художников. Я как член шести советов, в том числе совета Министерства культуры СССР, не раз видел: приезжаешь в мастерскую художника смотреть на заказ, а ничего не сделано, потому что он там хорошо пьет, отдыхает, гуляет, а потом кто-то виноват, что смотреть нечего. Он вступал в Союз и начинал права качать. Сейчас уже такого нет. Кто талантливый — пробьется, а если

нет — лучше заниматься чем-то другим.

— Вы считаете, что всякий талант обладает пробивной способностью?

— А как же иначе? Талантливую работу возьмут всегда. Сейчас говорят, что было время, когда не давали жить и работать. Это придумали те, чьи работы и тогда никого не трогали, и сейчас никому не нужны.

— А прежняя жесткая идеологическая цензура?

— Любый человек всегда зависит от времени. Совершенно свободного художника быть не может — он же зависит от матери, от родины, если уж на то пошло, от общества, от мнений других людей. Я не знаю, что такое полная свобода. Наверное, это когда человек ничего не делает.

века. А любой человек — божье существо.

— Как, можно сказать, профессиональный физиономист по лицу человека вы можете заключить, что это за личность?

— На внешности очень сказывается профессия, само собой интеллект, характер. Я чувствую, что человек из себя представляет в настоящем и что у него было в прошлом, а что будет в будущем — про себя никто не знает. Да каждый, наверное, видит основные черты другого, не только я. А так кто его знает, человеческая душа — это тайна, раскрыть которую стремится человечество и никак не раскроет. Так же, как и любовь.

— В своих портретных работах вам удается приблизиться к этой тайне?

— Я старался почувствовать внутренние качества и передать их через внешние. А удается мне что-то или нет, наверное, не мне судить. Я вообще по отношению к себе беспощаден. Если что-то не успеваю, казнию только себя. А мнение коллег меня особенно не волнует, хотя, конечно, я всегда рад послушать тех, кто искренне ко мне относится.

— На отдыхе самоанализ продолжается или можете полностью отвлечься от забот?

— Я уже года три в отпуске не был. Очень люблю на природу выехать, но это так редко удается. Было три дня, когда летал выбирать мрамор. Добрались до Милана, потом рафиком везли по горам в тумане, посмотрели залежи, полазили по горам, вечером уже ехали в Рим. А потом вернулся в мою загубленную после трех памятников мастерскую (тут и сварка была, и формовка, и перевод материала в гипс) — и опять за работу.

— Портрет кого-нибудь из наших современников вам хотелось бы вылепить?

— Поэта. Какого — тайна. Есть много небольших задумок, но их пока вытесняют памятники. В Кисловодске к Дню Победы открывается памятник медикам. Заканчиваю работу над серией императоров. А в основном готовлюсь к 850-летию Москвы.

— А из наших политиков кто-нибудь вдохновляет?

— Я вообще недолюбиваю политиков и возмущаюсь, когда деятели искусства лезут в политику, в депутаты, в партии. Я считаю, каждый должен заниматься своим делом. Пусть будут профессиональные журналисты, профессиональные художники, профессиональные политики. Сам никогда не входил ни в какие кланы или группы ни по каким признакам, и мои друзья — люди самых разных взглядов и национальностей. Все группировки создают те, кто хочет быть у власти и лезет к ней на хребте других. Мне бы не хотелось быть подставным бревном. Я хочу быть просто независимым художником и гражданином.

Встречалась
Ирина КОРНЕЕВА.
Фото
Виктора
СМОЛЬЯНИНОВА.